

Натаалья ГУНДАРЕВА, актриса:

Вернуться в жизнь

Мы сидим в теничке. Гундарева испытующе ждет: чем удивлять будем? Готовится к очередному беспосадочному перелету — первому большому интервью в ее новой жизни.

Марафон

— В фильме «Осенний марафон» ваша героиня навсегда замерла в ожидании беды. Это свойственно вам в жизни?

— Нет, несчастия я стараюсь пройти быстро. Считаю, что в жизни все время должно что-то происходить — и не останавливаясь, иду дальше. И мне неинтересно горевать: мол, помнишь, как раньше было хорошо! Интереснее — что будет дальше! Пожилым свойственно думать о том, что пройдено, молодым — что впереди. Пожилой уже знает, что ждет впереди, и он туда не хочет, старается отодвинуть это будущее. А я вот думаю о том хорошем, что меня ждет. Уповаю на день грядущий, который, может быть, принесет новые роли, — мне так легче жить.

— Я могу спросить вас о случившемся? Как это было?

— Такого, наверное, никогда не ждешь. И конечно, это перелом в сознании. Все последние годы я жила в непрерывной гонке, когда утром за волосы стаскиваешь себя с постели, вливаешь в себя кофе, глотаешь сигарету, бросаешь в машину, мчишься на репетицию, примерку, спектакль, съемку, а к вечеру прибегавшая вымотанная, не понимая, куда ушел день. И кажется, что ничего не сделано, хотя объективно это не так: прошла репетиция, примерила платья для новой роли... Но настоящего, на что стоило бы употребить это жизненное пространство, — нет совсем. Я люблю результат, а моя работа результат даст далеко не сразу, и никогда не знаешь заранее, что из нее выйдет... И вдруг в этой гонке судьба меня остановила. И я думаю: почему Бог мне послал эти испытания? Может, потому, что я люблю результат, а это свойственно людям, которых обуяла гордыня? Как на Олимпиаде, где кругом плакаты: «Дальше всех! Выше всех! Лучше всех!». Может, судьба решила меня поставить на место? Нет, правда, правда, правда! Я даже стала распоряжаться судьбами других. Конечно, люди сами доверяли мне свои судьбы, я этого не требовала, не становилась Саваофом — они ко мне приходили со своими несчастьями, и я старалась им помочь.

— Какая же это гордыня!

— Но я ведь стала ощущать себя... всеильной. Хотела всё мочь и мне было важно не то, как я прожила день, а — его итог. А это очень вредно. И теперь я проживаю жизнь немного иначе. И все время думаю об истине, которая стала для меня главной: Бог посылает испытания сильным. Много думаю над «Братьями Карамазовыми», потому что в нашем театре скоро поставят этот спектакль. Как школьница — прохожу роман заново. Читаю, останавливаясь, начинаю с начала — мне нужно постичь. Там есть слова: в испытаниях, в горе ищи счастье, радость. Я и пытаюсь найти радость. И много работаю. Распределения ролей еще не было, но мужу там будто бы сулят роль Мити Карамазова. И я ему теперь читаю про Митю. Так что я не только о себе думаю... Я ведь даже не знаю, буду ли я в этом спектакле. Может, я покажусь нескромной, но мне кажется, что до сих пор я играю хорошо. Во всяком случае — на пределе возможного. Даже в средних пьесах старалась выжить из роли все, что можно. Эти роли я любила, отдавала им все силы и даже получала премии. Нас еще в театральном учили играть так, будто завтра ты умрешь! Так я и играла — словно умирать собралась. Мне так привычнее, лучше.

— Вы думаете, что теперь захотите и сможете играть иначе?

— Играть, как прежде, наверное, уже не смогу — нужны огромные физические силы, а их не будет. А играть хуже не могу себе позволить. Ведь театр — это легенды, которые крутами расходятся после спектакля. Стоит снять его на пленку — легенда разрушается. Поэтому до потопков должны доходить легенды, а не вещественные доказательства. Театр стареет быстрее, чем любое другое искусство, как событие он устаревает буквально на следующий день. И пусть лучше останутся легенды: кто видел — перескажет тому, кто не видел.

— Вы уже замечательно говорите, и я сейчас наслаждаюсь, слушая тот самый голос любимой актрисы. А первые слова, которые вы сказали в этой второй жизни, — помните?

— Нет... Наверное, это не самые лучшие слова.

— Ваше ощущение жизни и ее ценности как-нибудь изменилось?

— Оказалось, то, что было — и есть счастье. Когда мы были молодыми и здоровыми, бежали по песку, кидались в волны, кричали: не заплывай далеко, ногу сведет! На пляже детям устраивали какие-то представления, мы хо-

тели спать, а там какой-то человек с ужасным акцентом кричал: к нам прышол Ра-абинзон, к нам прышол Рабинзон! И дети всё орали: а-а-а!!! А нас это раздражало: мы хотели спать и этого Робинзона ненавидели. А теперь ясно, что это всё и было — счастье. Просто его не осознаешь никогда. И все торопишься: что дальше?

— Мы сейчас шли с вами по тропинке, и там сидел кот, наслаждался солнцем. Он не думал про то, что дальше, а просто наслаждался — животные умеют ценить мгновение. Может, научиться?

— Я животных не люблю — ни зоопарки, ни цирки. Бывает. А жить вот этой минутой, проживать ее полностью мало кто умеет — это правда. Все время кажется, что где-то что-то есть еще лучше. Хотя я замечала, что людям со мной становилось спокойнее, я им говорила: давайте посидим, посмотрим на закат, послушаем тишину...

— На сцене вы умеете проживать каждый миг так вкусно, что в зале от этого делается очень хорошо.

— Потому что это моя любовь. Я это люблю. Театр мой дом. Особенно когда был жив Гончаров — мне было так уютно в его театре... Его спектакли меня лечили от бед — я переступала порог театра, и все отлетало куда-то далеко. А выходила на сцену — и ни с чем не сравнимое счастье не покидало меня все три часа. А ведь выйдя на сцену, уходила с нее уже только в антракте.

— Уставали?

— Конечно, очень. Часть жизни уходила от меня. Если повесить какие-нибудь датчики, то аппаратур зашкалит: сердце улетало куда-то через горло. Не знаю, какой ангел-хранитель меня оберегал — я уже давно должна была умереть. Я прыгала на сцену — словно топила, и после спектакля сердце было как у гончей собаки — дышать не могла, мне было плохо. Театр — очень сильная нагрузка.

Я ответила: «Себе, Андрей Александрович, себе!».

— Доказали же! Докажете и сейчас.

— А может, уже надо успокоиться и уйти. Но у меня довольно деятельная натура — мне все равно нужно будет что-нибудь делать. Аршбабешев мне предлагает: дай, мы тебя запишем в режиссеры! А я отвечаю: и будем мы с тобой, как Станиславский с Немировичем-Данченко, переписываться. «Перехожу ко второму акту, пришлите мизансцены!»...

— Зато можно посидеть в «Славянском базаре»!

— Можно. Но зачем? Мне необходимо что-нибудь делать — обязательно, обязательно. Я не смогу просто сидеть дома.

— Вы уже делаете. Только что устроили в хорошую клинику одного замечательного, тоже любимого народом кинорежиссера. Вы уже очень многим помогли.

— Но мы не можем никому вернуть молодость — даже если заложим души дыяволу. И если помогать всем сразу — это вода в песок. Нужно помогать конкретному человеку...

— Как сейчас складываются ваши дни?

— С утра физиотерапевтические процедуры, потом бегу на физкультуру, потом китайцы делают иглоукалывание и какой-то свой массаж, очень зверский — я называю его «китайские пытки»: алски больно. Но мне сказали: если вытерпите, то мы вам разработаем и руку и ногу. И я молчу. Спрашивают: что, разве не больно? Отвечаю: если буду орать, то стекла вылетят.

— Остались проблемы с левой рукой?

— Пока что да.

— Могу только сказать, что облегчения, на которое так надеются люди верующие, не было. Может быть, меня нельзя назвать истинно верующей — а тогда какого мне ждать облегчения и от кого? Пошла причащаться, и все ждали, что выйдут просветленные. Но мне не стало легче, я по-прежнему встречала эту смертельную боль одна. Может, не умела верить... И не умею. Поэтому что, считается, вера помогает. А у меня бывали дни, когда я буквально расплывалась, растекалась.

— Скажите, вы сейчас просто долбите эту руду, пробиваясь к свету, или у вас есть четкий план и вы можете сказать себе и нам, когда снова выйдете на сцену?

— Я этого не знаю. Это ваши коллеги из какой-то газеты сообщали, что 8 сентября я уже буду играть. Позвонила в театр и спросила, что у нас восьмого идет. Оказалось, «Нора», где я вообще не занята! Газеты эти... господа, как же я возненавидела ваших собратей!

— Хищников я сам ненавижу, так что продолжайте, это интересно.

— Недавно

о том, что нужно национальное кино. Но какое там национальное, если на всех экранах Хулио и Педр! А у нас снимают только про миллионеров... — Менто!

— Я их зову миллионэрами. А про жизнь человеческого духа вы там не найдете ничего.

«Театр — это то, что держит меня в этой жизни»

— По-моему, вы стали терпимее. Вот что вы говорили несколько лет назад: «Я не могу смотреть телевизор — озлобляется душа». А сейчас вы его смотрите!»

— Потому что у меня безвыходное положение. Я ведь немного могу себе позволить. В театре пойти не могу — сорву спектакль. Даже не была на премьере «Женитьбы», хотя там играет мой муж, — боялась ее сорвать. Поэтому все будут смотреть туда, где мы сидим.

— Вам не кажется, что вы просто откладываете неизбежное: все равно сорвете какую-нибудь премьеру!

— Вот погитнут премьерные бури — и пойду. А пока не хочу вредить друзьям и коллегам, ведь интерес неизбежно будет повышенный — не ко мне, а к моей болезни: всем интересно с этой

рушить то, что не тобой создано! Иногда достаточно неосторожного слова. А мы никогда в свою жизнь никого не пускали, и если давали разрешение на публикации, то только серьезным газетам. Недавно одна попросила интервью у мужа, и он согласился при условии, что все заранее прочтает. Пометил все неточности — никто на это не обратил внимания. Я это говорю не от буквवादства — а потому что на бумаге слова звучат иначе. Вот вы меня спросите: вы хорошая артистка? — а я скривлюсь: «Тения-а-аль-альня!». По интонации вы поймете, что я имею в виду, а на бумаге все решат, что Гундарева уже совсем головной прискорбна.

Храм

— У вас здесь есть какие-нибудь культурные развлечения?

— Телевизор есть. Но самое большое счастье — я могу читать. Читаю без конца. И по телевизору не все подрыл смотрю, а только новости и старые фильмы.

— А новые?

— Я же академик «Ники» — и мне прислали около полусотни картин, выдвинутых на премию. Я их все посмотрела. Некоторые даже несколько раз — потому что ответственно до противного.

— И как?

— Я не считаю, что кинематограф наш умер.

— По количеству точно не умер. А по качеству?

— Там были фильмы — не хуже зарубежных. И актеры наши не хуже. Они даже лучше, потому что там целый завод работает на актера, а у нас один в поле воин. Он выходит из окопов один и без гранат, а на него танки — режиссер, сценарист, оператор. А он безоружный.

— Вы верите, что искусство может влиять на жизнь?

— На человека уж точно влияет. Недавно же театр называли храмом. Испытаешь катарсис — станет легче, отсмеешься — уйдешь в хорошем настроении, увидишь что-то ужасное — твоя собственная жизнь покажется не такой плохой. Театр зовет тебя выше, и ты идешь за ним туда, где будут падать звезды и звучать музыка. Это как булгаковская коробочка, откуда слышны волшебные голоса.

— Вот вы говорите: зовет выше. А смотрите наши новые фильмы — и кажется, что тебя бьют по голове. Галдят, что человек по натуре свинья, что страна несчастная и обреченная, что народ никчемный. Такое искусство ведь тоже влияет на человека.

— У нас очень хорошо умеют говорить

точки зрения на меня взглянуть. Я буду медведем, которого водил цыган, понимаете?

— Недооцениваете вы людей!

— Очень даже дооцениваю. Любопытство страшная вещь. За мной будут ходить хвостом, куда я — туда и хвост.

— А то за вами и до болезни не ходили! В метро вы могли ездить?

— Я за рулем и на метро давно не езжу. А внимание окружающих — это часть моей профессии, и я к нему уже привыкла. Вот мой муж очень этого не любит. Но раз уж выбрал такую профессию... Стоматолог целый день разглядывает гнилые зубы — разве приятно? Вот и я должна прилично появляться, и даже если мне плохо, все равно должна хорошо выглядеть.

— Кто вам помогал в эти месяцы?

— Врачи, они по долгу обязанности были мне помочь. Но помогали не по долгу и не потому, что я — Гундарева. Тоже любят, видно, свою профессию. Вот Анатолий Иванович Федин, к которому я попала, так и сказал: я вам слдам Гундареву под ключ! В этом смысле у нас оказались общие стремления. Очень помогали друзья, которые от меня не отходили. И люди, которые за меня молились. Муж... Знаете, чего мне сейчас хочется? Вы очень известная газета, и мне хочется через нее поздравить любимого мужа с днем рождения.

— Считайте, что поздравили. Вас с мужем утратило даже родительство в одном месяце!

— Но по знакам Зодиака мы разные. Я Дева — он Лев.

— Вы же не любите зверей!

— Не всех.

— Вы как-то назвали себя глиной в руках режиссера...

— Да, это так.

— Но ведь уже ясно, что даже в руках самой судьбы вы не глина!

— Глина, глина. Ну, пусть я глина в руках Бога. Вот прошел слух, что, может быть, меня займут в «Братьях Карамазовых» — и я стала читать. Если б не случилась эта беда, может, у меня бы не было столько времени для чтения. И жду, что будет. А пока на каждого брата делаю досье. Чтобы потом не искать по всей книге нужные мысли. Мне интересна эта почти исследовательская работа.

— А были случаи, когда вы ощущали, что глина режиссеру не по зубам?

— Ну конечно. Особенно в кино, пусть на меня не обидятся кинорежиссеры. Но чем бездарней был режиссер, тем больше хотелось ему помочь. Я практически уже могла бы за него снимать кино.

— В вашей актерской работе поражает естественность. Я ведь тоже купился, впервые увидев вас в «Осени». Понимал, что актриса — и все же в вас было что-то настоящее, несмыренное.

— Потому что тогда это еще не было так модно. Потом естественность стала модной, и мы ахали, как Леша Петренко играл свой знаменитый монолог в «Двадцать дней без войны» — поразительный по достоверности и подлинности.

— Ваша коллекция премий очень велика.

— У меня есть «Кумир», «Ника», «Хрустальная Турандот», есть Государственные премии СССР и РСФСР, премии Ленинского комсомола, и еще я орденносоп — «За заслуги перед Отечеством».

— А скоро выйдете на сцену и вам дадут орден Мужества. Вы все происходящее расцениваете как чудо?

— Нет. Мне только странно, что это со мной случилось. Откручиваю назад ленту своей судьбы — и никак не могу включить в нее себя. Словно это не про меня, а про кого-то другого, кто от всех зависит, кого надо поднимать, ослепить... Не про меня. Потому что если бы это было про меня, я должна была бы хотеть ползти — но сама, не прося ни у кого помощи. Однажды я попробовала и полетела так, что, казалось, мозг вылетит из головы. Какая это жизнь, если стоит тебе встать, как тут же появляется из другой комнаты испуганное лицо: а вдруг я упаду!

— Давайте считать это жуткой пьесой, в которой вы играете. Скоро финал, вы выйдете на англодисменты, и зал встанет вам навстречу.

— Может быть. Но если я еще могу представить, как иду по улице и стучат каблучки, то как я на сцене взбегу по лестнице... — кажется, я не смогу этого не хотеть. А хуже играть не хочу. Лучше вообще уйти...

— Можно мне с вами не со-гласиться? Ведь в бед всяких катастроф в актерской жизни все равно приходит новое время: однажды актриса понимает, что уже не может играть Джульетту, зато открывается бездна замечательных ролей, которые были недоступны прежде. Разве не так?

— Может быть, может быть... Валерий КИЧИН